

Предисловие к «Колоколу»⁸¹

«Полярная звезда» выходит слишком редко, мы не имеем средств издавать ее чаще. Между тем события в России несутся быстро, их надобно ловить на лету, обсуживать тотчас. Для этого мы предпринимаем новое повременное издание. Не определяя сроков выхода, мы постараемся ежемесячно издавать *один лист*, иногда *два*, под заглавием «Колокол».

О направлении говорить нечего; оно то же, которое в «Полярной звезде», то же, которое проходит неизменно через всю нашу жизнь. Везде, во всем, всегда быть со стороны воли против насилия, со стороны разума против предрассудков, со стороны науки против изуверства, со стороны развивающихся народов против отстающих правительств. Таковы общие догматы наши.

⁸¹ «Предисловие к "Колоколу"» — впервые опубликовано в «Колоколе» (1857. № 1).

В отношении к России мы хотим страстно, со всею горячностью любви, со всей силой последнего верования, чтоб с нее спали, наконец, ненужные старые свивальники, мешающие могучему развитию ее. Для этого мы теперь, как в 1855 году*, считаем первым необходимым, неотлагаемым шагом:

Освобождение слова от цензуры!

Освобождение крестьян от помещиков!

Освобождение податного сословия — от побоев.

Не ограничиваясь, впрочем, этими вопросами, «Колокол», посвященный исключительно русским интересам, будет *звонить*, чем бы ни был затронут, — нелепым указом или глупым гонением раскольников, воровством сановников или невежеством сената. Смешное и преступное, злонамеренное и невежественное — все идет под «Колокол».

А потому обращаемся ко всем соотечественникам, делящим нашу любовь к России, и просим их не только слушать наш «Колокол», но и самим звонить в него!

Появление нового русского органа, служащего дополнением к «Полярной звезде», не есть дело случайное и зависящее от одного личного произвола, а ответ на потребность; мы *должны* его издавать.

Для того чтобы объяснить это, я напомним короткую историю нашего типографского станка.

Русская типография, основанная в 1853 году в Лондоне, была запросом. Открывая ее, я обратился к нашим соотечественникам с призывом, из которого повторяю следующие строки* <...>

Ожидая, что будет, я принялся печатать свои сочинения и летучие листы, писанные другими. Ответа не было,

* Программа «Полярной звезды» (примеч. Герцена).

* Далее шли выдержки из листовки Герцена «Вольное русское книгопечатание в Лондоне». — *Сост.*

или хуже — до меня доходили одни порицания, один лепет страха, осторожно шептавший мне, что печатание за границей опасно, что оно может компрометировать и наделать бездну вреда; многие из близких людей делили это мнение. Меня это испугало.

Пришла война. И в то время, когда Европа обратила жадное внимание на все русское и раскупала целые издания моих французских брошюр и перевод моих «Записок» на английском и немецком языках быстро расходился, — русских книг не было продано и *десяти* экземпляров. Они горами валялись в типографии или рассылались нами на наш счет, и притом даром.

Пропаганда тогда только начинает быть действительной силой, когда она окупается; без этого она натянута, неестественна и может разве только служить делу партии, но чаще вызывает наскоро выращенное сочувствие, которое бледнеет и вянет, как скоро слова перестают звучать.

Меньшинство осуществляет часть своего идеала только тогда, когда, по-видимому выделяясь из большинства, оно, в сущности, выражает его же мысль, его стремления, его страдания. Большинство бывает вообще неразвито, тяжело на подъем; чувствуя тягость современного состояния, оно ничего не делает, чтобы освободиться от него; тревожась вопросами, оно может остаться, не разрешая их. Появляются люди, которые из этих страданий, стремлений делают свой жизненный вопрос; они действуют словом как пропагандисты делом, как революционеры — но в обоих случаях настоящая почва тех и других — большинство и степень их сочувствия к нему.

Все попытки издавать журналы в лондонской эмиграции с 1849 года не удались, они поддерживались приношениями, не окупались и лопались; это было

явное доказательство, что эмиграции не выражали больше мысли своего народа. Они остановились и вспоминали, народы шли в другую сторону. И в то самое время, как угасал последний французский листок демократической партии в Лондоне, четыре издания прудоновской книги «Manuel du speculateur a la bourse»⁸² были расхвачаны в Париже.

Конечно, строгость и свирепые меры очень затрудняли ввоз запрещенных книг в Россию. Но разве простая контрабанда не шла своим чередом вопреки всем мерам? Разве строгость Николая остановила воровство чиновников? На взятки, на обкрадывание солдат, на контрабанду — была отвага; на распространение свободного слова — нет; стало быть, нет еще на него и истинной потребности. Я с ужасом сознавался в этом. Но внутри была *живая вера*, которая заставляла надеяться вопреки собственных доводов; я, выжидая, продолжал свой труд.

Вдруг телеграфическая депеша о смерти Николая.

Теперь или никогда!

Под влиянием великой, благодатной вести я написал программу «Полярной звезды». В ней я говорил ^{*14}<...> В день казни наших мучеников — через 29 лет — вышла в Лондоне первая «Полярная звезда». С бьющимся сердцем ожидал я последствий.

Вера моя начала оправдываться.

Я стал вскоре получать письма, исполненные симпатии — юной, горячей, тетради стихов и разных статей. Началась продажа, сначала туго и медленно возрастая, потом, с выхода *второй книжки* (в апреле 1856 г.), количество требований увеличилось до того, что иных

⁸² Справочник игрока на бирже (*франц.*).

^{*14} Далее шли выдержки из «Объявления об издании «Полярной звезды». — *Сост.*

изданий уже совсем нет, другие изданы во второй раз, третьих остается по несколько экземпляров. От выхода второй книжки «Полярной звезды» и до начала «Колокола» все *расходы по типографии* покрыты продажей русских книг.

Сильнее доказательства на действительную потребность свободного слова в России быть не может, особенно вспомнив таможенные препятствия.

Итак, труд наш не был напрасен. Наша речь, свободное русское слово раздается в России, будит одних, страшает других, грозит гласностью третьим.

Свободное русское слово наше раздается в Зимнем дворце — напоминая, что сдавленный пар взрывает машину, если не умеют его направить.

Оно раздается среди юного поколения, которому мы передаем наш труд. Пусть оно, более счастливое, нежели мы, увидит на *деле* то, о чем мы только говорили. Не завидуя смотрим мы на свежую рать, идущую обновить нас, а дружески ее приветствуем.

Ей радостные праздники освобождения, нам благовест, которым *мы зовем живых* на похороны всего дряхлого, отжившего, безобразного, рабского, невежественного в России!

*Герцен А.И. Собр. соч. В 30 т.
М., 1954. Т.13. С. 7—12.*